

Лохотроны на рубеже тысячелетий

В то время я бывал у мамы в Белой Церкви. Однажды апрельским днём, когда до отправления поезда из Киева в Москву было ещё немало времени, я решил перекусить припасёнными бутербродами на скамеечке бульвара Шевченко. С ярко-оранжевой дорожной сумкой через левое плечо я спускаюсь по лестнице в подземный переход с улицы Коминтерна, когда из-за спины слышу:

— И–ии–ыыыы–ых! — справа меня обгоняет вытянутая рука, а в ней раскрытый кожаный бумажник. Бумажник оказался многостраничным, и поравнявшийся со мной человек принялся его перелистывать, приговаривая:

— Вот доллары, а вот марки, вот фунты, а вот франки... — Идём рядом, и вдруг мой попутчик сообщает о намерении поделиться со мной этой якобы находкой.

Удивившись странной инициативе и не произнеся ни слова, ведь у меня не могло быть никаких претензий, а уверения, что так будет справедливо, меня не убеждали, я задумался, не прекращая движения: «Может быть, вы не знаете, но в Одессе быстро поднятое не считается упавшим» (М.М. Жванецкий). Но это не Одесса, а Киев. Тогда я принялся припоминать бегло прочитанное в газетах «Московский комсомолец», «Аргументы и факты» и «Литературная газета», в которых в те годы были открыты рубрики, где описывались случаи всевозможных мошенничеств.

Интуиция и информация настроили меня на ожидание дальнейших событий. И точно, нас догоняет второй и вклинивается между нами:

— Ребята, вы мой бумажник не находили? — Он добавил ещё пару фраз по этому поводу и отвернулся к моему попутчику, обращаясь как бы скорее к нему, но его левая рука, тем не менее, слегка касается меня.

Так и не припомнив аналогичного случая из прочитанного, я увидел слева лестницу вверх из подземного перехода и, не дожидаясь появления третьего, в чём уже не сомневался, я направился на выход.

— Куда же вы? — почти жалобно прозвучал голос второго, почувствовавшего мой уход.

— Ребята, — ответил я, — вы тут сами как-нибудь разбирайтесь между собой. Мой кошелёк при мне, и открывать его вам я не намерен.

* * *

Уговорив маму, оставшуюся одной после смерти отца, решиться на переезд ко мне в Московскую область, я в сентябре 2001 года приехал в Белую Церковь. Квартиру было решено продать с помощью риэлтеров, занимавших комнату в квартире, выданной для общественной работы Городского совета ветеранов.

— Я продам вашу квартиру как свою, — заявил риэлтер, запирая в сейфе паспорт маминой квартиры. Этому предшествовало назначение цены, заполнение бланка соглашения, выданного взамен спрятанного в сейфе паспорта, и обещание дать объявление в местной прессе.

Цена выглядела уж очень небольшой и побуждала несколько поторговаться. На это риэлтер возразил, что малая цена оттого, что город пострадал от Чернобыльской аварии, что он, риэлтер, знает конъюнктуру, после чего немного уступил и пообещал указать в объявлении несколько большую цену.

Неудовлетворённый таким оборотом, я решил отложить свои сомнения до воскресной поездки в Киев и обсуждения с друзьями. Друзья, осмотрев привезённое соглашение, обратили моё внимание на немалый процент комиссионных, указанных в качестве обязательства владельца квартиры перед посредником. Я вспомнил, как риэлтер несколько раз повторил, что комиссионные платит покупатель, на что мои друзья резонно заметили, что с покупателем будет заключено другое соглашение, где также будет предусмотрена выплата комиссионных, о которых продавцу квартиры знать совсем не обязательно.

Ясно обозначилась задача выволить из сейфа квартирный паспорт, тем более, что в появившемся бесплатном объявлении в рекламном буклете, который я купил через неделю после «переговоров», цена была объявлена даже ниже первоначально заявленной.

Поняв, с кем я имею дело, я стал искать выход и нашёл его. Придя в риэлтерскую контору, я принялся рассуждать, что процесс оформления загранпаспорта маме сильно затягивается, что до отъезда всё сделать не удастся, и поэтому придётся оставить риэлтеру ключ, чтобы он смог показывать нашу квартиру потенциальным покупателям. Полагая, что риэлтеру незачем вникать в нюансы эмиграционных порядков, и сославшись якобы на указание паспортно-визовой службы, я потребовал паспорт на квартиру и получил его.

И действительно, в течение второй недели не удалось выписаться из квартиры, так как получения загранпаспорта после сбора и сдачи необходимых документов предстояло ждать не менее трёх месяцев. Однако удалось упаковать все вещи для погружения в железнодорожный контейнер и продать квартиру за в полтора раза большую цену неожиданно объявившейся покупательнице из Донецка, вознамерившейся поселиться неподалёку от родной сестры.

— А ещё в Совете ветеранов! — с обидой в голосе упрекнул меня риэлтер, когда мама пришла туда попрощаться с друзьями. Тяжело уходит несбывшееся чувство хозяина.

* * *

Лохотрон — универсальное изобретение постсоветского человечества. В 2008 году в Москве оно приняло форму телевизионного ночного шоу, транслируемого по трём каналам одновременно. На этих передачах соблазнительного вида ведущие, не умолкая, призывают отгадать слово, состоящее из перемешанного набора букв, например, такого:

З	Б	А	Г
Л	Е	В	А
О	К	А	

или такого:

И	З	Т	А
О	Б	Р	Е
Е	Л	Ь	Т

Свои ответы предлагают сообщить в прямом эфире по мобильному телефону за плату около \$ 2. Угадавшего награждают денежным призом существенно большего достоинства. Величина приза постоянно демонстрируется на экране вместе с величиной суперприза, ещё на пару порядков большего. По мере того, как число не выпущенных в прямой эфир позвонивших нарастает, ведущая радостно объявляет об увеличении размеров приза или суперприза. В некоторый момент в эфире звучит голос угадавшего слово, и ему предлагают выиграть суперприз, назвав любые 3 числа от 1 до 16:

1	2	3	4
5	6	7	8
9	10	11	12
13	14	15	16

после чего
демонстрируют
примерно такую
картинку:

Ясно, что трёх совпадений для суперприза не угадывает никто.

*Юрий Куянов
Апрель 2008 года*